

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 128

Март 2010

***Медведев и другие против Франции [Большая Палата]
[Medvedyev and Others v. France [GC] (жалоба № 3394/03)***

Постановление от 29.3.2010 [Большая Палата]

Статья 1

Юрисдикция государств

Ответственность государств

Территориальная юрисдикция в отношении задержания иностранного судна в открытом море

Статья 5

Пункт 1 статьи 5

Лишение свободы

Порядок, установленный законом

Изоляция на корабле экипажа иностранного судна, задержанного в открытом море: *нарушение*

Пункт 3 статьи 5

Незамедлительное доставление к судье или другому должностному лицу

Первое доставление к судье через тринадцать дней после предварительного заключения после задержания судна в открытом море: *нарушение не установлено*

Обстоятельства дела – Заявители, граждане Украины, Румынии, Греции и Чили, входили в экипаж торгового судна «Уиннер», зарегистрированного в Камбодже. В рамках международного сотрудничества по противодействию

обороту наркотиков французские власти получили сообщение о том, что на судне может находиться большой груз наркотиков. В дипломатической ноте от 7 июня 2002 г. Камбоджа дала согласие на принятие мер французскими властями. Соответственно, французские военно-морские власти задержали судно в открытом море у островов Зеленого Мыса и сопроводили во французский порт Брест.

В своем Постановлении от 10 июля 2008 г. Палата Суда единогласно установила нарушение пункта 1 статьи 5, поскольку заявители были лишены свободы не «в соответствии с порядком, установленным законом». Палата также постановила четырьмя голосами против трех, что пункт 3 статьи 5 нарушен не был. Она отметила, что заявители были доставлены к «судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью» в значении статьи пункта 3 статьи 5 только через пятнадцать или шестнадцать после начала заключения, когда предстали перед судьей по делам предварительного заключения. Однако Палата пришла к выводу, что длительность лишения заявителей свободы была оправдана исключительными обстоятельствами

Право – Статья 1: Поскольку Франция осуществляла фактически полный и исключительный контроль над судном «Уиннер», по крайней мере, с момента его захвата длящимся и непрерывным образом, то для целей статьи 1 Конвенции заявители относились к юрисдикции Франции.

Вывод: Заявители находились под юрисдикцией государства-ответчика (единогласно).

Пункт 1 статьи 5: а) *Применимость* – Заявители были помещены под контроль французских специальных сил и лишены свободы на все время движения судна, поскольку курс последнего определялся французскими властями. Такая ситуация после захвата судна квалифицируется как лишение свободы в значении статьи 5.

б) *Существо жалобы* – В делах, касающихся перевозки наркотиков в открытом море, публичное международное право придерживается принципа о том, что юрисдикцией обладает государство флага, т.е. в настоящем деле Камбоджа.

В настоящем деле Конвенция, подписанная в г. Монтего-Бей*, не давала французским властям никаких правовых оснований для захвата и задержания судна. Поскольку Камбоджа не являлась участником Монтегобейской конвенции, то не могла считаться действующей в соответствии с ее положениями, когда 7 июня 2002 г. послала дипломатическую ноту. Не относился к сфере действия данной конвенции и просьба Франции о сотрудничестве со стороны Камбоджи, поскольку не был основан на подозрении французских властей о том, что судно, несущее французский флаг, причастно к перевозке наркотиков. Кроме того, не было установлено, что имелась постоянная практика государств, свидетельствующая о существовании принципа обычного международного права, санкционирующего вмешательство государства, имеющего достаточные основания полагать, что судно, несущее флаг другого государства, причастно к незаконной перевозке наркотиков. Нельзя было также утверждать, что в настоящем деле был возможен захват военным кораблем судна, в отношении которого имелись достаточные подозрения, что оно не принадлежит к какому-либо государству, поскольку обстоятельства дела не поддерживают эту гипотезу.

Что касается релевантного французского права, то не говоря о том, что его основная цель заключалась в инкорпорировании международных договоров и, в частности, Венской конвенции ** в национальное законодательство, следует также отметить, что оно не могло отменять указанные договоры или принцип исключительной юрисдикции государства флага. Таким образом, поскольку Камбоджа не являлась участником конвенций, инкорпорированных в национальное законодательство, и поскольку «Уиннер» не нес французский флаг, и ни один из членов его экипажа не являлся гражданином Франции, то оснований для применения французского права не имелось. Нельзя было также утверждать, что французское право соответствовало общему принципу правовой определенности, поскольку не отвечало требуемым условиям предсказуемости и доступности: было бы странным полагать, что экипаж судна, находящегося в открытом море, несущего камбоджийский флаг, мог предвидеть, даже прибегнув к совету, что может при данных обстоятельствах оказаться под французской юрисдикцией. Кроме того, хотя цель Монтегобейской конвенции заключалась, в частности, в кодификации или консолидации обычного морского права, ее положения, касающиеся незаконного оборота наркотических веществ в открытом море, как и положения дополняющей ее Венской конвенции, организующие международное сотрудничество, но не делающие его обязательным, отражали отсутствие консенсуса и ясных согласованных правил и практики в данном вопросе на международном уровне.

Однако независимо от Монтегобейской и Венской конвенций и от французского права, Камбоджа согласилась на вмешательство французских властей в своей дипломатической ноте. Хотя Монтегобейская конвенция неприменима в настоящем деле, она не препятствует государствам в использовании иных форм сотрудничества в борьбе с перевозкой наркотиков морским путем. Кроме того, дипломатические ноты являются источником международного права, сопоставимым с договором или соглашением, если формализуют договоренность между соответствующими органами, общий подход по определенному вопросу или даже, например, желание или обязательство, выраженное в одностороннем порядке. Таким образом, данная дипломатическая нота оформила согласие камбоджийских властей на захват «Уиннера». Текст дипломатической ноты упоминал «судно «Уиннер», несущее камбоджийский флаг», как единственный объект соглашения, подтверждая разрешение на перехват, досмотр и принятие правовых мер в его отношении. Таким образом, очевидно, что судьба экипажа не охватывалась нотой с достаточной ясностью, поэтому нельзя прийти к выводу, что лишение его свободы являлось предметом договоренности двух государств, которая могла быть признана как «достаточно определенный закон» в значении прецедентной практики Суда. Дипломатическая нота также не отвечала требованию «предсказуемости». Государство-ответчик также не продемонстрировало наличие текущей и устоявшейся практики между Камбоджой и Францией в борьбе с незаконным оборотом наркотиков на море в отношении судов, плавающих под камбоджийским флагом; напротив, Камбоджа не ратифицировала соответствующие конвенции, и использование специального соглашения, оформленного дипломатической нотой, в отсутствие постоянного двустороннего или многостороннего договора или соглашения двух государств, свидетельствует об исключительном, одноразовом характере меры сотрудничества, примененной в настоящем деле. В любом случае, предсказуемость уголовного преследования для нарушителя за участие в незаконном обороте наркотиков не должна замещаться предсказуемостью закона, примененного в качестве основы для вмешательства. В противном случае любая деятельность, являющаяся преступной в соответствии с национальным правом, освободит государства от обязанности по принятию законов, отвечающих необходимым качествам,

особенно в отношении пункта 1 статьи 5 Конвенции, и лишит, таким образом, это положение его сути.

Вызывает сожаление то, что международная попытка по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в открытом море не была скоординирована лучшим образом, учитывая растущую общемировую важность этой проблемы. Однако, если государство флага, как Камбоджа в настоящем деле, не является стороной Монтегобейской или Венской конвенций, недостаточность таких правовых документов в отсутствие региональных или двусторонних инициатив не имеет значения. В действительности такие инициативы не всегда поддерживаются государствами, несмотря на то, что им предоставлена возможность действовать в рамках достаточно определенного правового поля. В любом случае, одним из решений для государств, не являющихся участниками вышеупомянутых конвенций, может быть заключение двусторонних или многосторонних соглашений с другими государствами. Учитывая серьезность и масштабность проблемы незаконного оборота наркотиков, значительным шагом в борьбе с ним могло бы стать такое развитие публичного международного права, которое бы включало принцип, что в порядке исключения из закона о государстве флага, все государства обладают юрисдикцией. Это привело бы международное право о торговле наркотиками в соответствие с тем, что уже существует на протяжении многих лет в отношении пиратства.

На основании изложенного, а также с учетом того факта, что только узкое толкование соответствует цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, следует вывод, что лишение свободы, которому подверглись заявители в период между захватом их судна и прибытием в Брест, не являлось «законным» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием правовой базы требуемого качества, которая бы соответствовала общему принципу правовой определенности.

Вывод: нарушение (десять голосов против семи).

Пункт 3 статьи 5: Задержание и заключение под стражу заявителей началось с захвата судна в открытом море 13 июня 2002 г. По прибытии в Брест 26 июня 2002 г. заявители были помещены в полицейский изолятор. При рассмотрении дела в Большой Палате, впервые с момента начала разбирательства, государство-ответчик представило подробные сведения о приводе заявителей в тот же день к следственным судьям, которые вели дело. То есть факт заключается в том, что заявители были доставлены к следственным судьям, которые, безусловно, могли рассматриваться как «судьи или иные должностные лица, наделенные, согласно закону, судебной властью» в значении пункта 3 статьи 5 Конвенции, только через тринадцать дней после задержания. В момент захвата «Уиннер» находился в открытом море в районе островов Зеленого Мыса, то есть далеко от французского побережья. Учитывая погодные условия и неудовлетворительное техническое состояния судна, делавшее невозможным более быстрое перемещение, ничто не указывало на то, что его сопровождение во Францию заняло больше времени, чем это было необходимо. Кроме того, заявители не утверждали, что могли бы быть переданы властям страны, расположенной ближе, чем Франция, где бы они могли безотлагательно предстать перед судебным органом. Что касается возможности пересадки их на французское военноморское судно, которая могла бы ускорить их перевозку, Суд не может оценивать осуществимость такой операции в данных обстоятельствах дела. Наконец, по прибытии во Францию заявители провели в полицейском изоляторе, ожидая привода к судье, всего восемь или девять часов. Этот восьми- или девятичасовой период вполне совместим с концепцией

«незамедлительной доставки», закрепленной в пункте 3 статьи 5 Конвенции и прецедентной практике Европейского Суда. (См. Решение Суда от 12 января 1999 г. по делу *Ригопулос против Испании* [*Rigoroulos v. Spain* (*dec.*)], жалоба № 37388/97, Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 2.)

Вывод: нарушение не установлено (девять голосов против восьми).

Статья 41: 5,000 евро каждому заявителю в качестве компенсации за причиненный моральный вред.

* Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, подписанная в г. Монтего-Бей 10 декабря 1982, вступившая в силу 16 ноября 1994.

** Конвенция ООН по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, подписанная в Вене 20 декабря 1988 г., вступившая в силу 11 ноября 1990 г.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.